

Г. Н. МОИСЕЕВА

Об участии И. Н. Болтина в работе над рукописью «Слова о полку Игореве»

Об участии И. Н. Болтина в работе над рукописью «Слова о полку Игореве» известно из сообщения А. С. Шишкова. В рецензии на перевод «Слова» Яковом Пожарским, изданный в 1819 г., А. С. Шишков писал: «Над переложением оной («Песни о полку Игореве», — Г. М.) трудились многие, и между прочим, известный своими в языке и словесности знаниями г. Болтин».¹

А. С. Шишков был знаком с людьми, близко знавшими И. Н. Болтина по деятельности в Российской Академии, основанной в Петербурге в 1783 г. И. Н. Болтин в числе первых был принят в члены Российской Академии одновременно с переводчиком и историком И. П. Елагиним, другом владельца крупнейшего хранилища древних рукописей — «Собрания российских древностей» — А. И. Мусиным-Пушкиным, избранным в члены Российской Академии в 1789 г.

Адмирал А. С. Шишков вошел в состав членов Российской Академии в 1796 г. В 1803 г. он опубликовал «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», где уделял большое внимание древнерусским литературным памятникам. В первые же годы после выхода из печати издания «Слова о полку Игореве» 1800 г. А. С. Шишков начал готовить к нему свой перевод и комментарий, который был закончен в 1804 г.; в том же году он был награжден за этот труд «Большой золотой медалью» Российской Академии.² Перевод и комментарий А. С. Шишкова были опубликованы (одновременно с факсимильным переизданием «Слова» 1800 г.) в 1-й части «Сочинений и переводов, издаваемых Российскою Академиею» в Петербурге в 1805 г.

Можно думать, что в процессе работы над переводом и комментированием «Слова о полку Игореве» А. С. Шишков обращался с вопросами к участникам первого издания этого древнерусского памятника. И. Н. Болтин умер в Петербурге 6 октября 1792 г., И. П. Елагин в — 1794 г. А. И. Мусин-Пушкин, владелец и издатель рукописи «Слова», переехавший в 1798 г. из Петербурга в Москву, где и погребено в пожаре 1812 г. его замечательное «Собрание российских древностей», умер в 1817 г. Московские участники первого издания «Слова о полку Игореве» Н. Н. Бантыш-Каменский (умер в 1814 г.) и А. Ф. Малиновский (умер в 1840 г.) также могли сообщить А. С. Шишкову об участии И. Н. Болтина в работе над рукописью «Слова о полку Игореве».

¹ Некоторые примечания на книгу, вновь изданную под названием «Слово о полку Игоря Святославича, вновь переложенное Яковом Пожарским» с присовокуплением примечаний // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1827. Ч. 11. С. 384.

² См.: Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных: (Из истории Российской Академии). Л., 1986. С. 140.

В настоящее время можно уточнить, когда рукопись «Слова о полку Игореве» оказалась в Петербурге в «Собрании российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина. В 1788 г. она уже не хранилась в ризнице Спасо-Преображенского собора Ярославского архиерейского дома,³ а в 1790 г. И. П. Елагин в рукописи своего сочинения «Опыт повествования о России» на боковом поле сделал вставку из начальных строк «Слова о полку Игореве».⁴ Таким образом, можно полагать, что с 1789—1790 гг. «любители российских древностей» (как называли себя А. И. Мусин-Пушкин, И. Н. Болтин и И. П. Елагин в предисловии к изданной ими в 1792 г. «Правде Русской») смогли начать работу над рукописью «Слова».

По удивительному стечению обстоятельств не сохранились архивы ни одного из «любителей российских древностей». Все рукописи И. Н. Болтина после его смерти в 1792 г. купила Екатерина II и подарила их А. И. Мусину-Пушкину.⁵ И. П. Елагин завещал все свое рукописное собрание, состоявшее из древних памятников и его собственных сочинений по истории России, также Мусину-Пушкину, который в 1803 г. издал одну часть из его многотомного «Опыта повествования о России». Всем известна трагическая участь хранившегося в Москве «Собрания российских древностей» Мусина-Пушкина. По-видимому там же погибла в 1812 г. и большая часть архивных материалов И. Н. Болтина и И. П. Елагина.⁶

Вопрос о роли И. Н. Болтина в подготовке первого издания «Слова о полку Игореве» впервые был поставлен Л. А. Дмитриевым.⁷ Исследователь убедительно показал, что Болтин принимал активное участие в составлении комментария к Екатерининскому переводу «Слова» и что для него было характерным ссылаться на «Историю российскую» В. Н. Татищева. Справедливость этих выводов полностью подтверждается анализом примечаний и к рукописному переводу «Слова», сохранившемуся в бумагах Екатерины II, и к первому изданию 1800 г. В полемике с А. В. Соловьевым, который полагал, что уже в раннем переводе «Слова о полку Игореве» видна роль Н. Н. Бантыша-Каменского,⁸ основательность доводов осталась за Л. А. Дмитриевым. Это подтверждается и тем, что в первом печатном издании «Слова» 1800 г. в отличие от Екатерининского перевода появилась ссылка на «Критические примечания генерал-майора Болтина на второй том Истории князя Щербатова». Комментарий относился к следующему отрывку из «Слова о полку Игореве».

«Слово о полку Игореве» н изд. 1800 г.

Всю ночь съ вечера босуи врани
взграяху, у Плънсьска(я) на болони (Ѡ)
бѣша дѣбрь Кисаню, и не сошлю къ
синуму морю.

Перевод

...во всю ночь съ вечера до свѣта
вороны каркали, усѣвши у Плънска
на выгонѣ въ дебри Кисановой, и не
полетѣли къ морю синуму.

³ См.: Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1984. С. 67—98.

⁴ См.: Козлов В. П. Доказательство «Словом» И. П. Елагина // Альманах библиофила. М., 1986. Вып. 21. С. 85—97.

⁵ Записки для биографии е. с. графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина // Вестник Европы. М., 1813. Ч. 72. С. 84.

⁶ Рукопись И. П. Елагина, состоящая из одиннадцати томов «Опыта повествования о России», в которой охвачена история от библейских времен до 1564 г. — времени правления Ивана Грозного, — в настоящее время хранится в ГПБ (F. IV. 651₁₋₆; F. IV. 34₁₋₅). В 1819 г. эта рукопись была передана в Публичную библиотеку по распоряжению Александра I, которому А. В. Казадаев предложил ее для издания (см.: Моисеева Г. Н. «Опыт повествования о России» И. П. Елагина в оценке Н. М. Карамзина // XVIII век. Л., 1986. Вып. 19. Пока недостаточно ясно, как попала к А. В. Казадаеву многотомная рукопись И. П. Елагина с личной дарственной надписью последнего: «Список сей, хотя несовершен, но мною несколько поправленный, предаю я другу моему Алексею Ивановичу Пушкину» (ГПБ, F. IV. 651₁, 1₃).

⁷ Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960. С. 309—310.

⁸ Соловьев А. В. Екатерининский список и первое издание «Слова» // «Слово о полку Игореве» в переводах конца восемнадцатого века. Zeiden, 1954. С. 5—7.

«(Я)» — это ссылка на т. III «Истории российской» В. Н. Татищева. Комментарий к ссылке «(Θ)» читается так: «Болтинъ въ Критич. примѣч. на 2 Томъ Истории кн. Щербатова на стр. 194 и 195 извѣщаетъ: „Болонье значить порожнее пространство между валовъ, окрестность города составляющихъ, которое служило для выгону скота, для огородов, а иногда и некоторые строения были там деланы“. — Въ Киевѣ, въ Нижнемъ городѣ выгонная за воломъ земля, по дорогѣ къ бывшему Межигорскому монастырю, и понынѣ называется Оболонье».⁹

Из сравнения комментария со ссылкой на «Критические примечания» И. Н. Болтина с переводом приведенного отрывка текста «Слова о полку Игореве» видно, что при переводе учтено понимание И. Н. Болтиным слов «на болоне» («на выгоне»).

«Критические примечания генерал-майора Болтина на первый (второй) том Истории князя Щербатова» в двух томах вышли из печати в 1793—1794 гг., уже после смерти автора. Но написан этот труд был еще в начале 80-х гг. XVIII в., когда началась печатная полемика И. Н. Болтина с М. М. Щербатовым, автором первых томов «Истории российской от древнейших времен», изданных Петербургской Академией наук в 1770—1771 гг.

В кругу «любителей российских древностей» И. Н. Болтин был общепризнанным и авторитетным знатоком истории России и древнерусского языка. По словам И. П. Елагина, Болтину принадлежала большая роль в подготовке издания «Правды Русской» 1792 г., так как он производил «сношения летописцев и слов объяснения» и в среде «любителей» «един по отменному знанию русской истории к изданию упрощен был и един трудился», и «естъ ли бы кто хотел из нас в чести сей ему поспорить, погрешил бы противу истинь».¹⁰

Благодаря дружеским связям с А. И. Мусиным-Пушкиным И. Н. Болтин широко пользовался «Собранием российских древностей», о чем упоминал в своих «Критических примечаниях»: «Летопись сию, как и многие древние рукописи, имею я от приятеля моего г. церемониймейстера Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, который . . . собрал много книг весьма редких . . . невозбранно я, по дружбе его ко мне, оными пользуюсь».¹¹

В автобиографической статье А. И. Мусин-Пушкин также писал о том, что Болтин, «пользуясь его Собранием, написал критические примечания на Историю Леклерка и князя Щербатова».¹²

Первый том сочинений Леклерка «*Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne*» был издан в Париже в 1783 г. А в 1788 г. в Петербурге вышел из печати первый том «Примечаний на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненных генерал-майором Иваном Болтиным».

В «Уведомлении читателю» И. Н. Болтин сообщает: «. . . безчисленные и грубые во всех родах ошибки . . . заставили меня возить мнение противное преждему и о сочинении и о сочинителе. Подвигнут усердием к Истине и к моему Отечеству, предпринял я сделать примечания на сию книгу».¹³

Остановимся на § XXXII «Примечаний» Болтина, в котором он, рассматривая главу «*Mythologies des Slaves*», пишет: «По окончании княжения Владимира 1-го, за благо рассудил Автор, оставя последование повести деяний, описать древнее богослужение Славян, почерпнутое им, как сам он признается, из сочинений г. Попова, изданных под именем „Досуги“. Г. Попов, будучи в древностях Славянских мало сведущ, внес в свою бас-

⁹ Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 23—24. (Лит. памятники).

¹⁰ Елагин И. П. Опыт повествования о России. М., 1803. Т. 1. С. 446—447.

¹¹ Критические примечания. . . СПб., 1793. С. 251—252.

¹² Записки для биографии. . . С. 80—81.

¹³ Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным. СПб., 1788. Т. 1. С. II.

нословию все, что ему ни попалося без разбору, и многие такие вещи под статью богов поместил, кои никогда славянами боготворимы не были. . . Г. Леклерк к его догадкам и толкованиям прибавил свои, а к богам Славянским, Варяжским, Чудским, приложил Калмыцкие, Китайские и проч. Бога Хорса производят они от глагола корчить, не доказав подлинно ли слово сие есть Славянское или Руское». ¹⁴

И. Н. Болтин был прав, когда писал о том, что Леклерк «древнее богослужение славян» целиком почерпнул из сочинения М. В. Попова «Краткое описание славенского баснословия», в котором дана характеристика всем древним славянским богам и богиням. Леклерк ничего не добавил к известиям М. В. Попова о Корше, или Хорсе, о котором сообщалось, что «по имени его можно, кажется, признать оного Ескулапием, или богом болезней в том или другом смысле, ежели производить его название от глагола корчить». ¹⁵ Ср.: «. . . ils établirent encore un Esculape, sous le nom de Khors ou Korcha». В примечании к слову «Korcha» сказано: «Le nom de cet Esculape dérive du mot korchit, qui signifioit restreindre, recourir . . . les mous sans doute». ¹⁶

Сведения о богине Ладе также полностью перенесены Леклерком из книги М. В. Попова: «Ладо или Лада, богиня киевская, подобящаяся во всем Венере. Славяне признавали ее богинею браков и веселия любовного. Каждый сочетающийся браком приносил ей жертву, надеясь снискать от нее счастливое себе супружество. Имя ее происходит от глагола „ладить“ и припевается поныне во многих любовных песнях.

Леля или Лелю, сын Ладин, нежный божок воспадения любовного». ¹⁷ Ср.: «Les Slaves y avoient pourvu, lorsqu'ils établirent parmi eux le culte d'une Déesse qui présidoit aux plaisirs de l'amour; ils la nommèrent Lada ou Lado.

Cette Vénis avoit plusieurs fils. Lélia ou Léliu, étoit un dieu enfant, qui faisoit naître l'amour dans les cœurs». ¹⁸

Представляет несомненный интерес выявить источник сведений М. В. Попова о «славенских кумирах». В древнейших русских летописях — Лаврентьевской (XIV в.) и Радзивиловской (XV в.) — содержится краткое известие об установлении языческих идолов: «И нача княжити Володимир в Киеве един, и постави кумир на холме вне двора теремного, Перуна древяна, а глава ему серебряна, а ус золот, и Хорса, и Дажбу бога и Стрибу бога, и Семарыгла, и Мокошь, и жряху им наричюще я боги». ¹⁹ Это летописное известие точно передал в «Истории российской» В. Н. Татищев: «Владимир, государствуя в Киеве, поставил на холме вне двора теремного кумир Перуна деревянный, глава ему серебряна, ус златый, да и других богов Хорса, Дажбу, Стриба, Семаргла и Моком, которым люди жертвы приносили и богами их именовали». ²⁰

Но в «Древней российской истории» М. В. Ломоносова помимо названных выше богов упоминаются и другие: «По Перуне, — пишет Ломоносов, — имел Волос первое место, коему покровительство скота приписывалось. . . Погвизд, Похвист или Вихрь — бог ветра, дождя и ведра, Еол российский; Лада (Венера), Дид и Лель (купидоны), любви и браков

¹⁴ Там же. С. 97—98.

¹⁵ Краткое описание славенского баснословия // Досуги, или Собрание сочинений и переводов Михайла Попова. СПб., 1772. Ч. 1. С. 194.

¹⁶ Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne par M. Le Clerc. Paris, 1783. Tom premier. P. 187.

¹⁷ Краткое описание славенского баснословия. С. 195.

¹⁸ Histoire . . . par M. Le Clerc.

¹⁹ Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года // Библиотека российская историческая, содержащая древния летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен. СПб., 1767. Ч. 1. С. 70.

²⁰ Т а т и щ е в В. Н. История российская с самых древнейших времен. М., 1773. Кн. 2. С. 61.

покровители. . . Купалу, богу плодов земных, соответствующему Цересе и Помоне, праздновали перед началом сенокоса и жатвы в двадцать четвертый день июня. . . Отстоянием полугодового времени почитался Коляда, праздничный бог, декабря в 24 число. . . Всеми сами идолами наполнены были улицы и поля около Киева и по всей России распространялись Владимиром суеверным повелением прежде просвещения».²¹

П. Н. Берков уже писал о том, что «Древняя российская история» Ломоносова оказала огромное влияние на формирование славянской мифологии конца XVIII в., в частности на сочинения М. Д. Чулкова «Краткой мифологический лексикон» и М. В. Попова «Краткое описание славянского баснословия».²² Но необходимо обратить внимание и на источник сведений Ломоносова. Это «Синописис, или Краткое собрание от различных летописцев о начале славянского народа» — труд профессора Киево-Могилянской Академии Иннокентия Гизеля, опубликованный впервые в Киеве в 1674 г. и выдержавший в период с конца XVII по XVIII в. одиннадцать изданий.

Это первое печатное сочинение по русской истории, оказавшее большое воздействие на развитие исторических знаний в России XVIII в.²³ «Синописис» повлиял на труды Феофана Прокоповича и Ломоносова. Иннокентий Гизель, один из выдающихся украинских просветителей второй половины XVII в.,²⁴ сделал попытку написать свое сочинение с учетом традиций античной исторической науки. «Синописис» откликнулся на общественно-политические вопросы, волновавшие русское и украинское общество второй половины XVII в.²⁵ Его составитель рассматривал русскую историю в контексте мировой истории и поэтому пантеон древнеславянских богов и богинь был приведен в известное соответствие с античной мифологией. Начало этому отождествлению античных богов с древнерусскими было положено М. Стрыйковским, который писал в «Хронике литовской, польской и жмудской и всей Руси» о том, что «болван Волос уже почитаем бе за скотия и леснаго бога (якоже бе у Аркадов господин Фаунус и протчая)».²⁶ Сочинение Стрыйковского, как показано А. И. Роговым, оказало огромное влияние на «Синописис» Иннокентия Гизеля.²⁷ Почти через сто лет, в 1767 г., М. Д. Чулков включил всех этих славянских богов и богинь наряду с героями античной литературы и истории в «Краткой мифологический лексикон».

В «Синописисе» сказано, что Владимир Святославич, «помяная. . . братию убиенную, нача ставити богомерзкие идолы в Киеве и по окрестных горах и полях киевских, творя им честь и поклонение божественное сам и всем людям повелевание творити». В отдельной главе «О идолах» Иннокентий Гизель впервые сообщил о «должностных обязанностях» древнерусских богов: Владимир Святославич «постави начальнейшаго кумира, именем Перуна, бога грома, молния и облаков дождевых. . . Второй идол бысть Волос, бог скотов. Третий, Позвизд, иннии же прозваша его Похвист, неции нарицаху Вѣхром, исповедующе бога быти Воздуха, ведра

²¹ Ломоносов М. В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб., 1766. С. 98—100.

²² Берков П. Н. Славяноведческие интересы Ломоносова // Науч. бюл. Ленингр. ун-та. Л., 1946. № 11—12. С. 40—44.

²³ См.: Ремин И. П. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 212—222.

²⁴ См.: Ничик В. М. Из истории отечественной философии конца XVII—начала XVIII в. Киев, 1978. С. 27—44, 244—267.

²⁵ См.: Пештич С. А. «Синописис» как историческое произведение // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 284—298.

²⁶ Летописание Матвея Стриковского от начала мира трудолюбием отцев и многих летописателей написана и во свет дана на польском языке таже написана на славянский лета от сотворения мира 7196, от Рождества бога слова 1688. Списана при Академии наук 1758 году — БАН, 32.11.4, т. 1, л. 176 об.

²⁷ См.: Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966. С. 300—303.

и безгодия. Четвертый идол Ладо: сего имеяху бога Веселия и всякаго благополучия. Жертвы ему приношаху, готовящихся к браку, помощью Лада мяще себе добро веселие и любезно житие стяжати. Сия же мерзость от древнейших идолослужителей пройдыде, уже неких богов Леля и Полеля почитаху, их же богомерзкое имя и до ныне по неким странам на сонмищах игралищных пением Лёлум, Полелум возглашают. Такожде и мать Лёлеву и Полелеву Ляду поуще Ладо, Ладо, и того идола ветхую прелесть диавольскую на брачных веселиях рукама плещуще и о стол биюще воспевают».²⁸

Иннокентий Гизель, бывший в годы составления «Синописа» архимандритом Киево-Печерского монастыря, сообщив о языческих празднествах, благочестиво добавляет: «. . .от сего православному христианину всячески блюстися подобает». Но это не помешало ему продолжить далее рассказ «об идолах»: «Пятый идол Купало, его же бога плодов земных быти мяху. Шестый идол Коляда, бог праздничный, ему же праздник велий месяца декабря 24 день . . . а прочие богопротивныя мерзости измышляемы бывають, их же и писанию предати не подобает. Разве тех бесовских кумир, еще и иные идолы мнози бяху по имени: Усляд или Осляд, Кёрша или Хорс, Симаергля или Семаргля, и Макош или Мокош. Им же бесом помераченные людие, аки богу, жертвы и хваления воздаваху».²⁹

Выше уже приходилось говорить о том, что весь этот древнеславянский пантеон вошел в «Древний российский летописец» Ломоносова (1766), в «Краткой мифологический лексикон» М. Д. Чулкова (закончен в 1767 г., но вышел из печати позднее «Краткого описания славянского баснословия» М. В. Попова).

Во второй половине XVIII в. существовала сложившаяся традиция в интерпретации древнерусских языческих «идолов». Она вошла в «Историю российскую от древнейших времен» М. М. Щербатова, автор которой соединил летописные известия об установлении Владимиром Святославичем в Киеве в 980 г. изображений Перуна, Хорса, Дажбога, Стрибога, Семаргла и Мокоша со сведениями «Синописа»: «. . .поставлены были. . . и еще другие: Волос, бог скотов; Подвиз или Похвист, бог непогод и вихрей; Ладо, богиня веселия, Леля и Полеля и Купила, бог плодов земных и множество других, которым поклонялись».³⁰

Лада как богиня любви упомянута А. Н. Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву». В главе «Валдай» он пишет: «Сей городок достопамятен в рассуждении любовного расположения его жителей, а особливо женщин незамужних. . . Бани бывали и ныне бывають местом любовных торжествований. Путешественник, условясь о пребывании своем с услужливою старушкою или парнем, становится на двор, где намерен принести жертву воображаемой Ладе».³¹

И. Н. Болтин, как мы помним, резко отрицательно отозвался в «Примечаниях на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» об описании «Древнего богослужения славян», почерпнутого автором «из сочинений г. Попова».

Как мы увидим ниже, понимание Болтина нашло отражение в интерпретации и, следовательно, в переводе текста «Слова о полку Игореве», в котором достаточно широко представлен пантеон древнеславянских языческих богов начиная с Велеса, Дажбога, Стрибога и Хорса.

Следует отметить, что в Екатерининской копии «Слова о полку Игореве» и в переводе с комментарием слово «велесовъ» в словосочетании

²⁸ Синопис, или Краткое собрание от различных летописцев о начале славяно-русского народа. . . Киев, 1680. С. 45—46.

²⁹ Там же. С. 49.

³⁰ Щ е р б а т о в М. М. История российская от древнейших времен. СПб., 1770. Т. 1. С. 245—246.

³¹ Р а д и щ е в А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 300.

«велесовъ внуче»³² не выделено прописной буквой. Следовательно, первоначально это слово не было понято как собственное имя древнерусского языческого бога. В первом издании 1800 г. слово «Велесовъ» написано с прописной буквы и к нему дан комментарий: «Велесъ, славянский въ язычествѣ Богъ, покровитель стадъ. Его считали вторымъ после Перуна. По названію Бояна внукомъ Велесовымъ, кажется, что онъ жил до принятія въ Россіи христіанской вѣры».³³

Фразы «Се вѣтри, Стрибожи внуци» и «Погиболисть жизнь Дажь-Божа внука» и в Екатерининской копии, и в издании 1800 г. получили комментарий.

Примечания в бумагах Екатерины II

Стрибогъ былъ кумирь, въ Кіевѣ поставленный Владиміромъ со многими другими идолами. Ему приписывали власть надъ вѣтрами.³⁴

Дажбогъ былъ кумирь княземъ Владиміромъ, въ Кіевѣ съ прочими идолами поставленный. Но почему сочинитель Половцовъ именуеътъ внуками Дажбожевыми, точно сказать сего не можно.³⁵

Примечания в издании 1800 г.

Стрибогъ (Славенскій Эоль) кумирь во время язычества въ Кіевѣ боготворимый; ему приписывали власть надъ вѣтрами.³⁶

Кумирь, в Кіевѣ боготворимый, — податель всякихъ благъ. Пользующіеся благоденствіемъ, какъ даромъ Дажь-Божевымъ, названы его внуками.³⁷

Менее всех «кумиров» повезло Хорсу, названному в летописях вторым после Перуна. В Екатерининской копии «Слова о полку Игореве» это имя написано с прописной буквы: Всеслав Полоцкий «великому Хрѣсови волкомъ путь прерыскаше»,³⁸ а смысл отрывка передан так: «. . . къ великому Херсоню путь по волчью пересѣкалъ».³⁹ Очевидно, что слово «Хрѣсови» было понято как название города, равно как «до Куръ Тмутороканя» — «до Курска и Тмутороканя». В первом издании «Слова о полку Игореве» слово «хрѣсови» начинается со строчной буквы, а в переводе оно вообще отсутствует («князь Всеславъ. . . сам ночью какъ волкъ рыскалъ»); в комментарии же к этому фрагменту текста сказано: «не вразумительно».⁴⁰

Выше нам приходилось говорить об отрицательном отношении И. Н. Болтина к интерпретации древнерусской языческой мифологии, заимствованной Леклерком из сочинения М. В. Попова. Несколько иначе Болтин воспринимал «Краткой мифологический лексикон» М. Д. Чулкова, откуда заимствовал при составлении комментария к языческим «кумирам», упоминаемым в «Слове о полку Игореве», сведения о Велесе⁴¹ и о Дажбоге, которого «почитали подателем благ».⁴² Обратим внимание на то, что в «Кратком мифологическом лексиконе», расположенном по алфавиту, нет упоминания о Хорсе. Таким образом, можно высказать предположение, что Болтин, решительно не приняв толкования М. В. Попова («по имени его можно. . . признать. . . Ескулапом, или богом болезней»), не мог составить своего собственного представления о значении слова «Хрѣсови», поэтому в комментарии к «Слову о полку Игореве» и появилось честное признание в непонимании: «не вразумительно».

Совсем по-иному отнесся Болтин к интерпретации имени Лада. Остановившись на характеристике Леклерка, он пишет: «Богиня, председательствующая при удовольствиях любовных, названа Ладо или Лада».

³² ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, т. 7, л. 27 об., 37 об.

³³ Слово о полку Игореве. С. 7.

³⁴ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, т. 7, л. 40.

³⁵ Слово о полку Игореве. С. 12.

³⁶ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, т. 7, л. 43 об.

³⁷ Слово о полку Игореве. С. 17.

³⁸ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, т. 7, л. 33 об.

³⁹ Там же, л. 49 об.

⁴⁰ Слово о полку Игореве. С. 36.

⁴¹ Ч у л к о в М. Д. Краткой мифологический лексикон. СПб., 1767. С. 21.

⁴² Там же. С. 29.

«Сын у нее был Леля или Лелю . . . Название Ладо происходит от глагола „ладить“, то есть „соглащать“. . . Что же принадлежит до производства имени Ладо от глагола „ладить“, сие одинаково есть рода с производством имени Хорса от глагола „корчить“». ⁴³

Как же понимает Болтин слово «ладо»? Ссылаясь на бытование этого слова в народном творчестве, он предлагает совершенно иное его толкование: «Во многих старинных песнях, каковы в деревнях женским полом поются, слово „ладо“ употребляется в переносном смысле вместо „муж“. В одной из таковых, которую я мог привести себе на память, содержание состоит в том: в некоторый летний красный день, на лужайке при дуброве, собралися молодые женщины в хоровод, где под тению дерев и при легком прохладительном ветерке, пели и плясали. Между тем приметили, что одна из них была задумчива и невесела, спрашивают ее о причине того; конечно, говорят ей, свекор твой угрюм, или свекровь брюзглива? Нет, отвечает она им, свекор и свекровь до меня ласковы, но Ладо мой нраву угрюмого и сердитого: „У меня Ладо змея скорпея, шипит не укусит, к себе не припустит“, и проч». ⁴⁴

В «Слове о полку Игореве» четыре раза, как известно, встречается слово «лада»: три раза в плаче Ярославны и один — в плаче русских жен. Обратимся к рассмотрению отрывков текста «Слова» в переводе, сохранившемся в бумагах Екатерины II, и в печатном издании 1800 г.

Текст «Слова о полку Игореве» в изд. 1800 г.

Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: О вѣтрѣ вѣтрило! Чему Господине насильно вѣнешь? Чему мычещи Хиновскыя стрѣлки на своєю не трудною крылицю на моея лады вои?

О Днепре Слоутуцию! Ты лелѣяль еси на себѣ Святослави насады до вльку Кобякова: възле-лѣи господине мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано.

Свѣтлое и тресвѣт-ное слънце! всѣмъ тепло и красно еси: чему господине простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? въ поле безводнѣя жаждею имъ лучи съпря-же туюю имъ тули затче. ⁴⁵

Перевод «Слова» в Екатерининской копии

Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ говоря: О вѣтре, вѣтре! К чему господине насильно вѣнешь? Къ чему мычещь на легкихъ своихъ крыльяхъ стрелков Хиновскихъ на мои хъ любезныхъ воевъ?

О Днѣпре славный! . . . Ты носилъ на себѣ Святослави насады до полку Кобякова; принеси господине моего любезного ко мнѣ, чтобъ не слала я к нему слез на море рано. . .

Свѣтлое и пресвѣтлое Солнце! всѣмъ тепло и красно еси: к чему господине простерло еси горячие свои лучи на милые вои? К чему в поле безводномъ при жаждѣ ихъ устремляешъ на нихъ свои лучи и творишь при горести неспособными тули их? ⁴⁶

Перевод «Слова» в изд. 1800 г.

Ярославна поутру плачеть въ Путивлѣ на городской стѣнѣ приговаривая: О вѣтеръ, вѣтрило! Къ чему ты такъ сильно вѣнешь? Къ чему ты такъ сильно вѣнешь? Къ чему навѣваешъ легкими своими крылами Хиновскія стрѣлы на милыхъ мне воиновъ. . .

О славный Днѣпръ! . . . Ты носилъ на себѣ Святославовы военныя суда до стану Кобякова; принеси же и ко мнѣ моего милого, чтобъ не посылатъ мнѣ къ нему слезъ своихъ по утрамъ на море. . .

О свѣтлое и пресвѣтлое солнце! для всѣхъ ты тепло и красно: но къ чему ты так уперло знойные лучи свои на милыхъ мнѣ воиновъ? Къ чему въ полѣ безводномъ, муча ихъ жаждою, засушило ихъ луки, и къ горести колчаны ихъ закрѣпило? ⁴⁷

Совершенно очевидно, что слово «лада» в плаче Ярославны в обоих переводах «Слова о полку Игореве» понято именно так, как толковал его

⁴³ Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. С. 110.

⁴⁴ Там же. С. 111.

⁴⁵ Слово о полку Игореве. С. 38—39. (Здесь и далее разрядка автора статьи).

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, т. 7, л. 50—50 об.

⁴⁷ Слово о полку Игореве. С. 38—39.

И. Н. Болтин в своих «Примечаниях на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка», т. е. 'муж', 'милый'. Так же передано это слово в плаче русских жен, узнавших о трагическом исходе похода Игоря на половцев.

Текст «Слова о Полку
Игореве»
в изд. 1800 г.

Перевод «Слова»
в Екатерининской копии

Перевод «Слова»
в изд. 1800 г.

Жены Рускія въспла-
кашась аркучи: уже намъ
своихъ милыхъ
ладъ ни мыслію смыс-
литу, ни думоу сдумати,
ни очима съглядати. . .⁴⁸

Жены Рускія възрыдали
глаголюще: уже намъ
своихъ милыхъ
ладъ ни мыслію взмыс-
литу, ни думоу вздумати,
ни очима узрѣти. . .⁴⁹

Зарыдали тутъ жены Рус-
скія, приговаривая: «Уже
намъ объ милыхъ сво-
ихъ ни мыслію взмыслити,
ни глазами ихъ уви-
дѣть. . .⁵⁰

Таким образом, в переводе «Слова о полку Игореве» нашли отражение взгляды И. Н. Болтина на древнеславянскую языческую мифологию. Особенно ясно это сказалось на понимании тех отрывков текста «Слова», где упоминалась Лада. На это обратил внимание С. Глинка. В своей статье «Баснословие славян, сравненное с заблуждением древних народов» он писал: «. . . г. Болтин в примечаниях своих на Леклеркову историю говорит, что Ладо значило муж, и что признание Лады богинею любви и утех несправедливо».⁵¹

Пытаясь определить степень участия И. Н. Болтина в работе над рукописью «Слова о полку Игореве», мы сталкиваемся с необходимостью буквально по крупицам собрать наблюдения из его печатных трудов и обратить внимание на его участие как члена Российской Академии в подготовке «Словаря Академии Российской».

В протоколах заседаний Российской Академии многократно говорится о большой работе, проведенной Болтиным. Он давал ценные советы о внесении в «Словарь» «имен государств, столиц, главнейших морей, величайших островов с кратким описанием пределов, климата, местности, народов, населяющих оную, и прочее».⁵² С его мнением особенно считались, когда речь шла о древнерусском языке. Так, указывалось, что в споре о написании глаголов «определено последовать мнению Ивана Никитича Болтина и писать глаголы в настоящем времени, прибавляя второе лицо для различия в спряжениях».⁵³

В 13-м пункте протокола заседания от 25 ноября 1786 г. записано: «Его превосходительство Иван Никитич Болтин подавал примечаниями своими многие полезные советы, к совершенству словаря служащие, соучаствовал в Комитете, разсматривающем труды сочинителей, и сообщал Академии выписанные слова из многих книг церковных, яко плод долговременных трудов своих; вспомоществовал и вспомошествует в исправлении Словаря».⁵⁴

На заседании 27 декабря 1791 г. возник спор о словах «воскресаю» и «воскрешаю». В протоколе записано: «. . . члены Академии его превосходительство Иван Никитич Болтин принял на себя труд сделать краткое объяснение корня слов *воскресение, воскресаю* и пр.».⁵⁵

В протоколе заседания Российской Академии от 10 января 1792 г. читаем: «Секретарь (И. И. Лепехин, — Г. М.) читал определения на слово *крес*, сделанные и сообщенные членом Академии, его превосходительством Иваном Никитичем Болтиным, которое должно служить корням словам:

⁴⁸ Там же. С. 20.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, т. 7, л. 44.

⁵⁰ Слово о полку Игореве. С. 20.

⁵¹ Друг просвещения: Журнал литературы, наук и художеств. М., 1804. С. 36.

⁵² ААН, ф. 8, оп. 1, № 1, л. 42.

⁵³ Там же. л. 43.

⁵⁴ Там же, л. 109.

⁵⁵ Там же, л. 244 об.

воскресение, воскресая и проч. Разные сему слову определения были следующие: *крес*. Слово сие в отдаленной древности означало по славянски *жизнь, бытие*, но в последующие века из употребления вышло, и токмо слабые следы его остались в простонародной поговорке, которая в некоторых областях употребляется, говоря о человеке, вдавшемся безрассудно в предприятие, весьма трудное и опасное, или в отношении к имеющему поведению дерзкое, запроемчивое: *ему на кресу не бывать*, сиречь не быть ему живому, не сносить ему своей головы». ⁵⁶

Членами Российской Академии объяснение И. Н. Болтина было принято, но в то же время «собрание заблагорассудило, не входя ни в какие древние объяснения и выводы, поставить его просто так: *кресь, са*. См. сл. обветшалое, вышедшее из употребления, означавшее в глубокой древности *жизнь, явь, явленность; то, что явлено, открыто, зримо*: Ему на кресу не бывать, т. е. ему не спасти жизнь, ему на яву не бывать». ⁵⁷

При комментировании «Слова о полку Игореве» было использовано несколько слов в интерпретации Словаря Академии Российской (забрало, тур, буй, гоголь), но в печатном тексте, естественно, мы не можем уловить связь объяснения слова с составителем данного толкования. Однако в некоторых случаях определить авторов-составителей позволяют нам протоколы заседаний.

Так, истолкование И. Н. Болтиным слова «кресь» вошло в перевод и в комментарий «Слова о полку Игореве».

Екатерининская
копия

Перевод
«Слова»
в бумагах
Екатерины II

Текст «Слова»
в изд. 1800 г.

Перевод
«Слова»
в изд. 1800 г.

О! далече зайдѣ соколь, птиць бя къ морю: а Игорѣва храбраго полку не кресити. ⁵⁸

О! далеко залетѣлъ соколь къ морю птиць бѣя: а Игорѣва храбраго воинства уже не воскресити. ⁵⁹

О! далече зайдѣ соколь, птиць бѣя къ морю: а Игорѣва храбраго полку не крѣсити (щ)

О! далеко залетѣлъ ты соколь, побывая птиць у моря: а Игорѣва храбраго войска уже не воскресити. ⁶¹

(щ). Ясное здѣсь знаменованіе глагола *крешу* доказываетъ, что слово *воскресене* точно от того происходитъ. ⁶⁰

С июня 1792 г. И. Н. Болтин перестал из-за болезни посещать заседания Российской Академии, а в протоколе заседания от 9 октября 1792 г. записано: «Председатель Академии ея сиятельство княгиня Екатерина Романовна Дашкова объявила собранию о кончине достойнейшего Академии члена Ивана Никитича Болтина, генерал-майора и члена Государственной военной коллегии, коего обширные познания в российском слове великим и отличным было пособіем в общем Академии труде. Сведения же его в отечественном нашем бытописании, снисканные многолетним, непрерывным трудом, и созданные им о сем предмете сочинения, соделают память его незабвенною даже и у поздних потомков». ⁶²

Эти заслуги И. Н. Болтина были отмечены и в печатном издании «Словаря Академии Российской», изданном в шести томах в 1789—1794 гг.

В автобиографической статьѣ А. И. Мусина-Пушкина сообщается о судьбѣ архива И. Н. Болтина: «. . . по кончинѣ г. Болтина все трудов его

⁵⁶ Там же, № 2, л. 1.

⁵⁷ Там же, л. 1 об.—2.

⁵⁸ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, т. 7, л. 30 об.

⁵⁹ Там же, л. 43 об.

⁶⁰ Слово о полку Игореве. С. 19—20.

⁶¹ Там же.

⁶² ААН, ф. 8, оп. 1, № 2, л. 32.

бумаги и книги по высочайшему повелению куплены и ему (А. И. Мусину-Пушкину, — Г. М.) пожалованы». ⁶³ Далее перечислены основные рукописные сочинения Болтина, перешедшие во владение Мусина-Пушкина: «В числе бумаг сих, простиравшихся до ста связок, найдены: 1) Перевод Энциклопедии, до буквы К, набело переписанный его собственной рукою; 2) Историческое и географическое описание наместничеств, в коем обстоятельно показано древнее и нынешнее состояние народов и городов, местоположение, границы, нравы, обычаи и суеверия, число жителей, их промыслы, почва земли, реки, озера, произрастания, государственные доходы, выгоды и недостатки; 3) Толкового российского словаря буква А; да и для продолжения сего великого и трудного сочинения тут же найдены материалы; и 4) Выписки уразумления древних летописей с изъяснением древних слов, из употребления вышедших, и географических мест, упоминаемых в летописях наших. Из сих выписок графом Пушкиным выбрано описание народов, приложенное к исследованию его о местоположении Тмутараканского княжения». ⁶⁴

Еще М. И. Сухомлинов отмечал: «Трудами Болтина несомненно воспользовался Мусин-Пушкин в описании городов и урочищ, изданном в виде приложения к исследованию о тмутараканском княжестве. Сам издатель указывает, какие именно статьи заимствованы им у Болтина. В числе источников названы Мусиным-Пушкиным рукописный географический словарь Болтина и рукописные географические описания наместничеств: Владимирского, Киевского и Черниговского. . . Исключительно из рукописей Болтина заимствованы статьи: Чернигов, Изяславль, Кабаново, Несвиж, Пинск». ⁶⁵ Можно думать поэтому, что и при комментировании географических понятий «Слова о полку Игореве» были широко использованы труды Болтина.

Участие И. Н. Болтина в работе над рукописью «Слова о полку Игореве» стало важной ступенью в изучении этого великого памятника Древней Руси.

⁶³ Вестник Европы. М., 1813. Ч. 21. С. 84.

⁶⁴ Там же. С. 84—85.

⁶⁵ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1880. Т. 5. С. 99.